

вечны жыво́т. Аж іначай п'одумаў сам бог (Ф. Багушэвіч. Не ўсім адна смерць); Ты страціў усё, — адказаў Тэафіл. — Але каб ты надалей грузнуў у клопатах аб мізэрным жываце, ты страціў бы усё, Міха (Э. Самуілёнак. Будучыня); Не з-за страху за свой жыво́т — які там у яго жыво́т, — а баяўся за справу (М. Лынькоў. Міколка-паравоз).

Примером сохранения традиций старобелорусского литературного языка в словаре И. И. Носовича может служить также слово *прежмо* 'пучок ржаных колосьев, обожженный на огне'. Это слово в значении 'хлеб, хлебная лепешка' зафиксировано И. И. Срезневским в «Материалах для словаря древнерусского языка» с XIV в. В старобелорусской письменности его впервые употребил Ф. Скори́на в переводной книге «Руфь» (1519), причем в таком значении, в каком зарегистрировано оно у И. И. Носовича и известно белорускому языку до настоящего времени: И сяде Руфь на стране жєнц'оў і вынемши себе сь класоў пражма і насытися.

В «Словаре белорусского наречия» И. И. Носовича отражены и другие слова, значения, унаследованные от донационального периода, например: *винный* 'должный, покорный', *внивец* 'вничто', *водонос* 'ведро', *годоваць* 'проживать год', *гора* 'чердак', *горло* 'жизнь', *жонка* 'женщина', *завада* 'порок, препятствие', *облюбенец* 'возлюбленный', *статок* 'остаток' и т. п.

Появление «Словаря белорусского наречия» И. И. Носовича дало возможность всем, кто писал и пишет новым белорусским литературным языком, черпать из него необходимые лексические средства. И в наше время он является важным источником обогащения современного белорусского литературного языка. Все это дает основание утверждать, что многие лексические средства белорусского национального языка выходят за пределы диалектной основы и обнаруживают непосредственную преемственность с языком старобелорусской письменности.

Белорусское языкознание располагает достаточным материалом, чтобы определить, какие другие разные по времени возникновения и происхождения ярусы старобелорусского литературного языка, вероятно, могли передаваться от поколения к поколению и закрепляться в новом белорусском литературном языке. Исторически обусловленному проникновению их в белорусский национальный язык способствовало то, что они в определенных жанрово-стилевых разновидностях составляли в донациональный период вариантную и даже основную норму. В фонетике — это чередование заднеязычных *з, к, х* со свистящими *ж, ц, с* (на дороге, слуге, девце, вь рущи, владыце, матце, маюсе); в морфологии — окончание *-у (-ю)* в родительном падеже неодушевленных существительных мужского рода единственного числа родительного падежа (*листу, запису, повету, часу,*

муру, помытку, тестаменту, году, смутку, лоду, збору, рожаю, покою, обычаю); формы на *-и (-ы)* в мягкой группе существительных единственного числа предложного падежа (у клетки, на постели, у литовской земли, у виллы, на камени, на поли, на местцы); звательные формы в обращениях для обозначения названий лиц мужского рода (брате, друже, борисе, рабе, пани); сочетания числительных два, три, четыре с формами мужского рода существительных множественного числа (два листы, грошы, злодеи, тры домы, светки, годы, чотыры чоловеки, паробки, корцы); формы на *-оє (-еє)* в родительном падеже прилагательных, причастий, неличных местоимений и порядковых числительных женского рода единственного числа (светлое, синее, прочытаное, наше, свое, десятое); отсутствие окончания *-ть* в третьем лице единственного числа первого спряжения глаголов настоящего (будущего простого) времени (має, дає, иде, прыеде, буде, возме); унифицированные причастные (деепричастные) формы с суффиксами *-учы (-ючы), -ачы (-ячы)* (иду́чы, еду́чы, беручы, маю́чы, даю́чы, рухаю́чы, ведаю́чы, лича́чы, зача́чы, ходя́чы, дова́дчы, стоя́чы, чыня́чы); в синтаксисе — сочетания с предлогом *до* плюс родительный падеж вместо предлога *к*́ плюс дательный падеж (писали до тебе, едешь до насъ, ити до гетмана); сочетания с предлогом *по* (вместо *после*) во временном значении (по смерти матки, дети оставилъ по собе, по венчанью *ў* шлюбe, по суде) и др.

Непосредственная преемственная связь старобелорусской письменности с белорусским национальным литературным языком в области грамматического строя у нас далеко не раскрыта в значительной мере вследствие недооценки роли преемственности и некоторого преувеличения роли народно-разговорной речи в процессе становления и развития литературных норм, которая, несомненно, была очень велика. Отсюда возникает иногда спорные, субъективные мнения по вопросу оценки некоторых конкретных языковых фактов. Известно, например, что причастные (деепричастные) формы на *-учы (-ючы), -ачы (-ячы)* для белорусских говоров вообще не характерны, в то время как во многих жанрах и стилях старобелорусской письменности они составляли грамматическую норму. В данном и подобных случаях неправомерно игнорировать традиции старобелорусского языка, которые, вероятно, послужили основным источником проникновения этих форм в новый белорусский литературный язык.

Таким образом, вопрос о преемственных связях белорусского национального литературного языка с языком старобелорусской письменности требует свежих наблюдений на всех уровнях языка. Дальнейший анализ в этом направлении может привести, наконец, к решению все еще дискуссионного вопроса о старых традициях в новом белорусском литературном языке.